

Вокруг него полыхало пурпурное и чернильное пламя, проникая вперед с обоих концов пола. Двухцветный огонь пожирал все на своем пути. Плоть, книги, стекло — все, что попадалось на его пути, только подпитывало это жуткое зрелище.

При мутном взгляде на эту жуткую сцену его вялый разум мгновенно пришел в себя. Повсюду в лабиринте полки лежали люди. Одни лежали в странных позах, другие — лицом к земле, вероятно, от неудачного падения.

Были и несчастные — на их лицах застыло безмятежное выражение, когда пламя охватывало их по частям, опаляя плоть и плавя кожу.

Ряды стеллажей полыхали, превращая в дым многолетнюю историю, грозя накрыть зал смертоносным потоком ядовитой копоти. Любопытно, что у нескольких человек вокруг него глаза были открыты, они безучастно смотрели вперед, а остальные, казалось, пребывали в бессознательном состоянии, подпитывая огонь, и их тела плавились от ужасного зловония.

Верн сделал неглубокий вдох, подавляя отвращение и ужас, вызванные этим зрелищем, и повернулся к тому месту, где должна была находиться Ариана. Она лежала рядом с ним на упавшей полке с закрытыми глазами и дышала в спокойном ритме. Он осмотрел ее тело и вздохнул, заметив, что она почти не пострадала.

Огонь надвигался с обоих концов коридора, причем одна волна была ближе, чем другая. Несмотря на весь этот дым, он выглядел вполне сносно благодаря высокому потолку и естественной вентиляции.

Встряхнув головой, он сосредоточился на поставленной задаче.

“Возможно, я смогу спасти еще несколько человек, если потороплюсь”.

Он повернулся к Ариане и присел на корточки, обхватив ее голову и колени.

Его руки прошли сквозь нее.

Он в недоумении уставился на то место, где должны быть его руки. И тут, как по команде, по его ладоням поползли колючие мурашки, которые он почувствовал "внутри" ее головы и коленей. Они точно были там. Он мог размахивать ими, сжимать в кулак и даже сжимать их вместе, но не видеть.

Он посмотрел вниз и увидел свою одежду, лежащую на земле в виде очертаний человека, и тут его осенило.

“Последствия просветления? Нет. Этого не может быть. Ихарл Баллин, как следует из описания Ари, был человеком из плоти и крови. Если я не ошибаюсь, предполагая, что Ихарл сам является наблюдателем, это не должно быть их стандартной формой”.

“Значит, это должно быть какое-то особое переходное состояние. Должно быть. Но я... У нее нет времени. У меня, блядь, нет на это времени! Ари в любой момент может последовать за всеми этими дохлыми учеными!”

“Нет. У меня еще есть варианты, но прежде чем приступить к моделированию, мне нужно больше информации”.

Он и так едва мог держать глаза открытыми, так что придется вернуться к своему привычному

фундаменталистскому подходу к проблеме. Проанализировать переменные, найти закономерности, построить гипотезу, а затем придумать, как использовать эти закономерности и свойства, чтобы подтолкнуть результат в нужном направлении.

Если бы он рассматривал пожар как тестовую среду, а себя как испытуемого, то, возможно, было бы легче впасть в привычку и отбросить перспективы неудачи в этой реальности.

Верн немного отступил назад и потянулся за пальто, лежащим на полу. Рука прошла прямо через воротник пальто — возникло покалывание. Он снова потянулся к нему, но на этот раз остановил руку, когда она оказалась внутри воротника, и сосредоточился на ощущениях.

Покалывание вернулось и вскоре превратилось в странное жжение. Верн убрал руку и закрыл глаза, концентрируясь на ощущении. Ощущения были похожи на обморожение, онемение и замораживание большей части тела.

“Чем больше я концентрируюсь на том, чтобы поднять пальто, тем хуже становится. В общем случае это означает, что если я пытаюсь взаимодействовать с телесными объектами, то это создает определенную нагрузку на эту форму”.

“Но это не может быть полным уравнением. Как я могу твердо стоять на полу? Если бы фокус был единственным фактором, я должен был бы погрузиться прямо в ядро Примы”.

Постучав невидимой ногой по полу, он уперся ногами в плащ, и тот, дрожа от холода, прошел сквозь ткань без всякого сопротивления. Затем он наступил на книгу, лежавшую неподалеку, и от соприкосновения ног с твердым полом возникло ощущение колючести.

Отступив от книги, Верн провел рукой по волосам и распустил одну прядь. Обеими руками он потянул невидимую прядь за противоположные концы, натягивая ее. Он расположил руки так, чтобы прядь проходила через ошейник, но ее концы держались крепко.

Прошло несколько секунд, но ничего не произошло. Поднявшись на ноги, он подошел к костру и, не раздумывая, погрузил руку прямо в пламя.

“Никакой колючести”.

Он нахмурил брови и вошел в пламя. Как и ожидалось, ничего больше не произошло. Его теория имела верное направление. Это было связано с желанием его подсознания взаимодействовать, но какие-то абсолютные рамки ограничивали и наказывали его.

Закончив эксперименты, он вернулся к Ариане. Вывод был прост и в то же время мучителен.

Быстрого способа заставить свое тело взаимодействовать с телесными объектами по собственному желанию не существовало. Он предположил, что если бы ему удалось как-то обмануть свой разум и заставить его думать, что Ариана — это просто пол, то это было бы возможно, но он не имел ни малейшего представления, как это сделать. Наблюдение могло бы сработать, но если бы он знал, как правильно его использовать, зачем бы ему понадобились все эти хлопоты, а не просто решить проблему с огнем?

Возможно, его догадки и не были основаны на логике, но у него просто не было времени, чтобы как следует поэкспериментировать и получить какие-то стоящие сведения.

Все это время огонь подбирался все ближе и ближе. “Три минуты, а может быть, и четыре, прежде чем он поглотит Ари. Это не поддается осмыслению. Почему, черт возьми, никогда

ничего не бывает просто! Почему именно сейчас!? Это не работает”.

Мысленный образ Арианы, поглощенной адским пламенем, огонь, сжигающий ее плоть, превращающий ее в обугленную безжизненную оболочку, а он стоит и ничего не делает, был мучением, которое ранило его острее, чем любой физический клинок.

“Не сейчас. Не сейчас”. Сейчас было не время погрязать в жалости к себе. Ему еще предстояло попытаться воздействовать на то, что вызывало эту мучительную боль в его глазах. Тем не менее, именно эта боль давала ему уверенность в том, что он сохраняет спокойствие во всей этой катастрофе.

Предполагая, что разобраться с этой временной формой будет сравнительно быстрее, чем с субъективным наблюдением, он проделал все эти глупые тесты. Но, как и во всем остальном, сегодня он ошибся.

“СОСРЕДОТОЧЬСЯ!”

Что-то очень буквально слилось с его глазами, и он почувствовал разницу. Как будто появился еще один набор бесплотных век, закрывающих его от мира, но они не препятствовали свету или чему-то еще.

Упершись одной ногой в плащ, Верн подтянулся, сделал глубокий вдох и открыл свои иллюзорные глаза.

Иллиана закрыла глаза, чтобы сосредоточиться на всех новых ощущениях, вызванных ее истинным восприятием. Она только что стала свидетелем самого страшного, что только может существовать, и все же была разочарована в себе. То, что она до такой степени взбудоражила свои эмоции, прекрасно зная, что для человека ее уровня это не будет смертельным, было просто постыдно.

Но сейчас было не время размышлять о том, что она потеряла контроль над собой. Она едва успела вернуться назад.

В пределах своего истинного восприятия, даже не отсекая непонятные аспекты, она почувствовала волну вибраций, неторопливо направляющуюся к ней. Эти спокойные вибрации были так очевидны, когда все остальные пытались сохранить рассудок от этого существа.

*Всё было так, как говорил Отец. Мир, который она "увидела" своим истинным восприятием, не был похож ни на один из тех, что она когда-либо видела. Увы, у нее не было времени любоваться этой захватывающей дух симфонией.

Она быстро вычленила из грохочущего полотна ту истину, которую искала, и тут же почувствовала себя разоблаченной. Что-то нежно прикоснулось к ее мыслям, и шум утих, превратившись в колебания.

Колебания самого мира пульсировали в ее сознании, вибрации сплетались в хоровую симфонию. Неодушевленные предметы вокруг, казалось, обрели свой голос, каждый из них готов был рассказать свою историю.

Картины говорили о гордости, а стены — о возрасте и усталости. Потрескивание огня шептало о тепле и уюте, а люстры выражали свое сияние.

Ритм и каденция были для нее средством заглянуть в окно эмоций, которые присутствовали во всем.

По крайней мере, так она это видела.

Однако среди этого оркестра безмятежных вибраций раздавались вопли и крики, шаркающие шаги и безумный бред неизвестно чего, просачивавшийся сквозь колебания королевской стражи снаружи и служанок, присматривавших за особняком. В этой пассивной и напряженной какофонии был один набор спокойных вибраций, становившихся громче с каждой секундой.

Иллиана вынырнула из задумчивости, и мысли ее понеслись вскачь. Наконец-то она услышала эмоции, и это было так волнующе, как она и ожидала. Теперь оставалось только освоиться.

Она встала с кровати и открыла глаза. Теперь, когда трудная часть просветления осталась позади, не нужно было быть такой напряженной и сосредоточенной. Ее прекрасная комната, украшенная картинами с изображением самых знаменитых музыкантов, была заставлена множеством инструментов.

В углу затемненной комнаты у высокого окна изящно покоился рояль, в черной полированной поверхности которого отражались отблески пламени очага. Рядом с ним висела мандолина, подаренная отцом. Арфа и скрипка, как и многие другие музыкальные инструменты, тоже имели свои места.

Игра на них и изучение их неповторимой каденции всегда успокаивали ее ум и нервы. Но сегодня их вид разрывал ей сердце.

Она понимала, что оставаться здесь, в своем королевстве, невозможно. Без отца на трон претендовало слишком много сильных личностей, а у нее не было сил, необходимых для того, чтобы по праву стать его преемницей. И все же.

И она не могла ничего взять с собой, пока находилась в свободном представлении. Оно позволяло ей проникать в истинное и неведомое, но за это приходилось расплачиваться тем, что человек становился нематериальным.

Она мало что слышала о свободном представительстве от своего отца, и многие его аспекты были просто странными. Если бы она попыталась, то прошла бы сквозь рояль, но стены и окна вели бы себя как обычные границы. Не пытаясь понять смысл неощутимого, она сосредоточилась на поставленной задаче.

У нее было два варианта. Один — бежать прямо сейчас, чтобы сэкономить время и, возможно, столкнуться с преследователями в незнакомой обстановке, когда они ее догонят. Другой вариант — остаться здесь, на своей личной сцене, и сочинить удовлетворяющую ее пьесу.

Очевидно, она выбрала последний вариант. Если бы ей нужна была только безопасность, она вполне могла бы спрятаться задолго до того, как все это началось. Отца не было, и она должна была взять все в свои руки. Собирать информацию, принимать решения, посылать послания тем, кто ждет ее смерти.

Регулировать и оценивать свои эмоции в ситуации жизни и смерти — в любом случае, это была прекрасная возможность для ее дебюта в качестве наблюдателя. Если она умудрится умереть, имея под рукой все преимущества, то винить в этом придется только себя.

Правда, ей было неприятно, что на ней нет одежды. Она немного потеряла уверенность в себе. Впрочем, это не имело большого значения. Максимум, что мог воспринять человек в свободном представлении, — это силуэт, так что ее благородный образ ничуть не пострадал.

Пока она ждала появления преступника, она не спеша ознакомилась с наблюдением. Вспомнив все наставления, которые вдалбливал ей отец за последние несколько дней, она проверила импульсы и связанные с ними эмоции.

Никакие тренировки не могли помочь ей понять эти понятия заранее, и все теории требовали практики для правильного применения. Однако она точно знала, что сработает, а что нет. Это был еще один из тех прощальных подарков от отца.

Ей не нравился оттенок "Провидца душ", но, по словам отца, это была единственная запись наблюдений, которая была близка к ее собственной точке зрения и не привела к катастрофическим последствиям.

В ней содержались сведения о тех, кто прошел схожий путь, и она научила ее эффективно использовать эмоции, хотя и сопровождалась чепухой о душах. Она не собиралась религиозно следовать записям. Своя точка зрения должна быть уникальной, иначе человек обречен на заурядность.

Она вспомнила слова отца: "Оттенить реальность своим восприятием — это дело интуиции. Это использование своего понимания и осмысления своей точки зрения для манипулирования истиной и внесения изменений".

Когда она изучала теорию по книге и словам отца, это звучало как некий загадочный и сложный процесс. Но в свободном представлении ей казалось, что всё возможно, что, собственно, так и было.

Свободное представление — это время, когда наблюдатель может оценить масштаб точки зрения, ее гармонию со своим методом изоляции, оценить их совместимость. Возможно, в этом было что-то еще, но она не знала и не хотела знать.

Она прислушалась к ритму огня, напевая ему в ответ, и комната стала абсолютно черной, без всякого света. Заметив темноту, она вспомнила о тусклом пейзаже за окном. Это было яркое утро перед тем, как начался ад.

Охранники набросились на нее и потребовали эвакуироваться. Иллиане пришлось несколько раз заверять их в своей безопасности, пока ей не надоело, и она не приказала им от имени самой принцессы.

Покачив головой, она подражала прежним ритмам огня, негромко насвистывая. Мелодия огня мгновенно ожила, влившись в пассивный ансамбль, когда дрова горели с большой энергией.

"Немного переборщила".

Теперь, для следующего испытания, окна должны были исчезнуть. У нее не хватало духу ломать все остальное в комнате ради эксперимента.

Сам мир помогал ей в реализации ее видений. Поэтому было просто представить, как оттенки стекла достигают эмоционального накала и сходятся воедино. Затем напряжение резко спадало, и осколки стекла с воплями агонии разлетались вокруг нее и сквозь нее.

Перед ней открылся беспросветный темный вид на город, наполненный жуткой тишиной и бесстрастными вибрациями, когда глаза заслезились от вновь обретенной интенсивности. Чтобы не перегружать себя мириадами импульсов и звуков, исходящих от всего внешнего, она ограничила свое восприятие, что несколько облегчило боль. Было так темно, что обычным зрением она не могла различить даже деревья в саду.

Минуты проходили за минутами, а она все пробовала новые и новые приемы, пытаясь достичь достаточного уровня мастерства, чтобы наконец-то играть на пианино, не ломая клавиш.

Она собрала несколько вездесущих приглушенных эмоций вокруг себя в цилиндр и направила его вперед, ударяя по клавишам. Вдруг вибрации и их тон стали шумными, и она присела прямо там, где стояла, рядом с роялем. Луч абсолютной тьмы пронесся по воздуху, уничтожая все на своем пути.

В стене, рояле и картине зияли дыры, когда луч угас, рассыпавшись в прах. В комнате зазвучала нестройная нота, и Иллиана с трепетом посмотрела на рояль, а затем повернулась к двери.

“Настало время для живого выступления”.

— Приветствую вас, принцесса.

<http://tl.rulate.ru/book/95470/3260694>